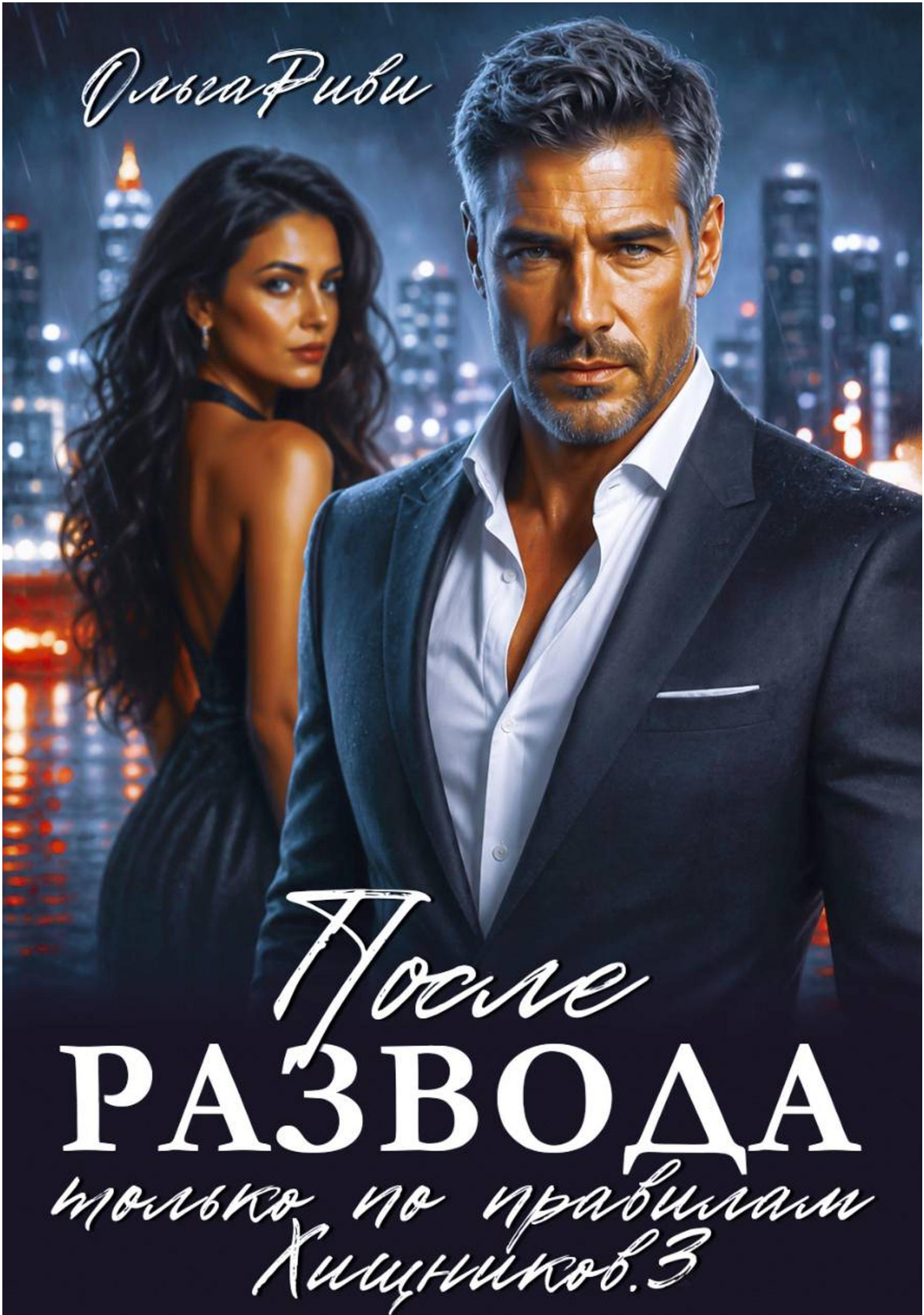

Ольга Риби
После
РАЗВОДА
только по правилам
Хищников.3

Ольга Риви

После развода только по правилам хищников. Том 3

«Автор»
2026

Риви О.

После развода только по правилам хищников. Том 3 / О. Риви — «Автор», 2026

Год назад муж и сын решили, что моё время прошло. Меня вычеркнули из семьи и бизнеса, предложив содержание в обмен на молчание.Теперь у меня своё дело, дочь рядом и жизнь, которой я распоряжаюсь сама. Только бывший муж всё ещё считает, что я должна вернуться.А его влиятельный тесть слишком настойчиво предлагает помощь. Я уже знаю, как легко забота становится клеткой. Но почему рядом с этим невыносимым мужчиной всё труднее помнить об осторожности?

© Риви О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Риви
После развода только по правилам хищников. Том 3

Часть 2

Глава 14

Прошёл ровно год с той злополучной свадьбы.

За год сыроварня научилась просыпаться раньше меня. Когда я зашла в приёмный цех, там уже вовсю гудело оборудование, а на разгрузке рабочие в привычной манере ругались из-за перепутанных накладных. Из лаборатории тянуло молоком и чем-то кислым. Раньше этот запах означал катастрофу и испорченную партию, но теперь я знала, что Тамара просто проводит анализы и уже готовит список виноватых. Она вышла мне навстречу в белом халате с защитными очками на лбу, из-за чего была похожа на очень злого хирурга.

— У Сафронова жирность опять гуляет, — констатировала она, скрестив руки на груди.

— И насколько всё плохо? — я остановилась, глядя на неё с лёгким опасением.

— Примерно как его совесть, в очень узком диапазоне, — Тамара поморщилась, словно только что съела лимон. — В общем, партия пройдёт, но я ему всё равно позвоню и выскажу всё, что думаю о его методах работы.

Сафронов был огромным мужиком с голосом пушки, но почему-то до смерти боялся Тамары. После одного её звонка он внезапно купил новое холодильное оборудование, хотя до этого три месяца всерьёз убеждал меня, что зимой молоко должна охлаждать сама природа, а всё остальное — излишества.

Я прошла вдоль приёмной линии, где на стенде висел график поставок от шести хозяйств. Рядом красовались результаты проверок и цены. Никаких исправлений карандашом, никаких цифр, вписанных задним числом, и никаких секретных договорённостей, о которых знали только директор и его кузен. Год назад здесь буквально рушилось всё на глазах, и люди работали с одним чувством, ожиданием дня, когда им объявят, что работать больше негде. Теперь мы стали кооперативом. Небольшим, упрямым и иногда напоминающим группу смертников, которые решили тонуть строго по утверждённому графику. Но сыр продавался в трёх сетях, фермеры получали деньги вовремя, а Павел уже второй месяц рассуждал о расширении производства без того выражения лица, с которым обычно сообщают о неизлечимой болезни.

В кабинете я открыла ноутбук, подсчитывая время до выезда на агрофорум. Павел в это время стоял у окна и в шестой раз перелистывал презентацию, он заметно нервничая.

— Слушай, на двенадцатом слайде слишком много цифр, — пробормотал он, не оборачиваясь. — Люди просто испугаются и заснут.

— Там таблица на четыре строки, Паш — я вздохнула, стараясь сохранить терпение. — Это агрофорум, а не детский утренник. Люди приехали обсуждать рынок и прибыль.

В этот момент Тамара бесцеремонно поставила передо мной контейнер с нарезанным сыром.

— Вот ваша настоящая презентация, — заявила она, довольно улыбаясь.

— Тамара, у меня есть слайды, всё предусмотрено, — я кивнула на экран.

— Слайд на хлеб не положишь, Елена Викторовна, — отрезала она. — В зале будет двести человек, значит, я просто мало нарезала. Придётся идти за добавкой.

Павел посмотрел на сыр и тяжело вздохнул, в его глазах читалась смесь обречённости и голода.

— Если договоры не подпишут, то хотя бы поедим, — заметил он.

— Вот это я понимаю — правильный, уверенный настрой, — усмехнулась я.

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела Надя. На ней была короткая куртка, за спиной висел рюкзак, а из-под руки торчала голова Сырника. Пёс давно перестал быть щенком, но сам об этом не подозревал и продолжал пытаться втиснуться в любые пространства, куда он физически не помещался.

— Ветеринарная помощь прибыла! — объявила дочь, сияя от радости. — Где ваши козы, будем спасать?

— Они на форуме, Надя, уже ждут нас, — ответил Павел, прикрывая презентацию.

Сырник ловко вывернулся из-под руки и помчался к Тамаре. Та среагировала мгновенно, вскинув контейнер с сыром высоко над головой.

— Даже не думай, блохастый! Это для серьёзных людей, — пригрозила она.

Пёс сел и посмотрел на неё с таким выражением, словно всю жизнь мечтал стать серьёзным человеком, или хотя бы получить кусочек пармезана. Я обняла Надю, почувствовав запах морозной свежести. Она стала тоньше, взрослее, и в её взгляде больше не было той привычки угадывать, одобрят ли её слова.

— Ты теперь совсем редко бываешь дома, — тихо сказала я, отстраняясь.

— Я и так дома, мам, — Надя спокойно посмотрела мне в глаза. — Просто мой дом теперь не там, где папа решает, что для меня будет лучше.

Она произнесла это без надрыва, но я всё равно почувствовала укол. Не потому, что она была неправа, а потому, что шестнадцать лет она жила в таком режиме, а я слишком долго пыталась сделать тот дом «теплее», вместо того чтобы признать: дело не в дорогих шторах и семейных ужинах, а в людях.

— Как учёба? Рассказывай, — я попыталась перевести тему.

— Два зачёта, одна бессонная ночь и труп лягушки, — Надя пожала плечами.

Павел нахмурился, явно сбитый с толку.

— Это был какой-то несчастный случай? — осторожно спросил он.

— Нет, просто практическое занятие, — Надя усмехнулась. — Анатомия, ничего личного.

— А, ну тогда ладно, — Павел облегчённо выдохнул.

Когда Тамара увела Павла проверять погрузку, а Сырник, поняв, что возле Тамары опасно, но очень вкусно, последовал за ними, мы с Надей остались одни. Дочь села напротив меня и начала нервно тереть ладони.

— Я папе иногда звоню, — призналась она, глядя в сторону.

Я медленно закрыла ноутбук, чувствуя, как внутри что-то напряглось.

— Я знаю, милая.

— Откуда? Он же не мог...

— Мог. Он звонил мне после вашего первого разговора и очень обеспокоенно спросил, не заставляю ли я тебя его провоцировать.

— А я-то наивно полагала, что он наконец научился не пересказывать каждый наш чих маме, — Надя горько усмехнулась, но взгляд всё равно отвела. — Я общаюсь с ним не ради денег, если ты об этом думаешь.

— Надя, ты имеешь полное право общаться с отцом просто потому, что он твой отец. Тебе не нужно передо мной оправдываться, — я накрыла её руку своей.

— Я и не оправдываюсь, просто хочу, чтобы ты понимала.

Она помолчала, затем сняла рюкзак и с глухим стуком поставила его на пол.

— У них всё плохо, мам. В компании.

Я почувствовала знакомый холод в груди. Раньше это напряжение появлялось каждый раз, когда Григорий поздно возвращался из офиса и слишком резко бросал ключи на стол. Я

ещё не знала, что случилось, но уже начинала лихорадочно соображать, какую дыру в бюджете мне придётся латать на этот раз. Только теперь это была не моя проблема.

— Он тебе что-то рассказал? — спросила я.

— Конечно нет. Для него я по-прежнему человек, которому нельзя доверить ничего сложнее выбора десерта в ресторане. Но при мне часто говорят сотрудники, видимо, думают, что я просто часть интерьера. Слышала разные фамилии директоров, названия фирм вроде «Северный ресурс», «АгроТрейд» и одну с очень «честным» названием — «Чистые активы».

— Настолько честным, что хочется сразу проверить учредителей и вызвать полицию, — заметила я.

— Вот и я об этом подумала, — Надя потянулась к телефону, но я быстро накрыла его ладонью.

— Нет. Даже не думай.

— Мам, ну пожалуйста...

— Ты не будешь собирать для меня сплетни, Надя. Это слишком опасно и неправильно.

— Я уже собрала, — она упрямо вскинула подбородок.

— Тогда сейчас ты прекратишь.

Надя выпрямилась, в её голосе зазвучали нотки, которые мне были слишком знакомы.

— Я не шпионка, мам. Я просто слушаю, когда люди сами уверены, что меня нет в комнате. Это не требует усилий.

— Именно так все и попадают в неприятности, которые потом приходится разгребать другим.

— Я больше не ребёнок!

— Именно поэтому я не могу запретить тебе видеться с отцом, но могу очень сильно попросить не лезть в его дела.

— А если его опять обманывают? — в её голосе промелькнула тень тревоги.

— Твой отец взрослый и очень амбициозный мужик. Он сам выбирает, с кем заключать сделки и кому доверять.

— Даже если рядом Кирилл?

Я медленно убрала руку с её телефона. В голосе Нади больше не было прежней обиды на брата, только настороженность человека, который уже видел, как родные садятся за стол и спокойно решают чужую судьбу.

— Даже тогда, — отрезала я. — Мы больше не спасаем твоего папашу от последствий его собственных решений. Это слишком дорогое удовольствие.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Ты сейчас про него или про себя?

— Про нас обеих, дорогая.

Надя всё-таки убрала телефон в карман.

— Хорошо. Но одну вещь я всё-таки скажу. Я была у папы на прошлой неделе.

— В доме? — я удивилась.

— Кристина пригласила. Вернее, папа пригласил, а Кристина сделала вид, что она не против моего присутствия.

Я невольно представила ту гостиную, где когда-то сама выбирала каждую вазу. После свадьбы Григорий всё переделал. Дом стал похож на дорогой отель, в котором тебя в любой момент могут попросить освободить номер, если ты перестал соответствовать интерьеру.

— Как ребёнок? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Хорошая девочка, спокойная. В основном всё время проводит с няней.

Надя помрачнела, вспоминая детали.

— Они поссорились. Думали, что я ушла наверх, и начали ругаться.

— Ты подслушивала? — я не смогла сдержать лёгкой улыбки.

— Я искала зарядку! — возмутилась дочь. — Она просто лежала рядом с дверью кабинета, я не могла её пропустить.

— Какая удобная зарядка, просто невероятно.

— И что ты услышала? — я всё-таки сдалась и подалась вперёд.

— Кристина требовала долю в компании. Сказала, что папа обещал сделать её полноценным партнёром. А он ответил, что обещал это только при одном условии, если она докажет, что способна им быть.

Я легко могла представить этот тон Григория. Он никогда не отказывал прямо, если хотел удержать человека рядом; он просто ставил условие, которое сам же мог менять по своему усмотрению.

— Потом она вспылила, сказала, что она не бухгалтер, — продолжила Надя. — А папа ответил: «Вот именно. А место Елены ты хотела занять с первого дня».

В кабинете внезапно стало очень тихо. За стеной загрохотали ящики, кто-то громко крикнул, чтобы Сырника убрали от упаковки, но я этого почти не слышала. Я не почувствовала торжества, только какую-то усталость. Григорий снова сравнивал женщин как активы. У одной не хватало молодости, у другой — компетенции. Он до сих пор не понимал, что партнёрство начинается не с пользы, а с уважения.

— Кристина что-нибудь ответила на это?

— Что собирается быть просто красивой женой при богатом муже, и на этом всё.

— Разумное желание, — заметила я.

Надя удивлённо подняла брови.

— Ты её сейчас защищаешь?

— Нет, просто понимаю, чего она боится.

— А папа?

— Он тоже боится, Надя. Только называет этот страх «стратегией».

Ключевые компании остались на Кирилле. Значит, Бережные не получили того контроля, на который рассчитывали. Кристина получила должность, фамилию и дом, но не реальную власть. Всё это выглядело роскошно, но держалось на взаимном недоверии и жадности. Год назад мне показалось бы, что это высшая справедливость. Теперь я знала, что справедливость — это не когда у них всё плохо. Справедливость — когда их «плохо» больше не управляет моей жизнью.

***

На агрофорум мы приехали за час до начала мероприятия. Павильон был забит стендами, искусственными колосьями и людьми в костюмах, которым в жизни не приходилось вытаскивать сапог из навозной жижи. Между рядами водили породистую козу с красным бантом, судя по её виду, мероприятие ей не нравилось. Тамара, глядя на это зрелище, хмыкнула: «Вот кто здесь единственный понимает реальный рынок».

Наш стенд выглядел жалко на фоне соседских. Пара баннеров, холодильная витрина и таблица с цифрами, которые не врут. Никаких золотых колосьев высотой в три метра и пафосных лозунгов. Павел заметно нервничал, постоянно поправляя галстук и бормоча, что надо было заказать экран побольше. Я лишь напомнила ему, что наш нынешний экран всё равно больше, чем прибыль холдинга за первый квартал прошлого года.

Перед самым выступлением я заметила Григория. Он стоял с кем-то из областного правительства, такой же прямой, уверенный и безупречно одетый. Только я слишком долго прожила с ним в одной постели, чтобы не заметить, как он судорожно сжимает большим пальцем край папки. Он нервничал, хотя лицо оставалось каменным. Наши взгляды встретились, но никто не улыбнулся. Год назад его появление заставило бы меня забыть всю речь, я бы начала

лихорадочно думать, как я выгляжу и что он скажет. Теперь я просто проверила микрофон и открыла первый слайд, чувствуя странное, почти физическое облегчение.

Я говорила о закупочных ценах и о том, сколько малые хозяйства теряют на посредниках, которые жиреют на каждом перепродаже. Никаких обещаний накормить всю страну одним сыром, только цифры, логистика и честные требования к качеству. «Мы не крупный холдинг и не пытаемся им казаться, — сказала я, глядя прямо в зал, где стало подозрительно тихо. — Но за год шесть хозяйств перестали жить от отсрочки до отсрочки. Устойчивость начинается не с масштаба, а с договора, условия которого не меняют в одностороннем порядке сразу после поставки».

После выступления начался настоящий хаос. Ко мне набежали владельцы сетей, фермеры и журналистка, которая разбиралась в логистике лучше некоторых директоров. Павел, наконец, перестал дрожать и начал раздавать визитки с такой скоростью, будто за каждую ему обещали премию в миллион. Тамара же в это время работала «сырным спецназом», навязывая выдержанный сорт всем подряд. Когда один из гостей попытался вежливо отказаться, сказав, что уже пробовал, она строго отрезала: «Это был полутвёрдый, не путайте серьёзные вещи, молодой человек».

Я только успела подписать предварительный протокол с одной из сетей, как почувствовала знакомый запах дорогого парфюма. Григорий стоял в нескольких шагах и смотрел не на меня, а на людей, которые меня окружали. В его взгляде я снова увидела то, что когда-то ошибочно принимала за любовь, а именно простое желание вернуть ценный предмет на своё законное место. Он подошёл, когда толпа немного рассосалась.

— Довольно неплохо выступила, даже уверенно, — произнёс он, стараясь звучать покровительственно.

— Спасибо, что заметил, — ответила я, не отрываясь от бумаг.

— Я не знал, что у вас теперь такие объёмы, — он чуть прищурился, пытаясь прочитать мои мысли.

— Ты вообще многого не знаешь, Гриша. Например, того, что бывает жизнь вне твоего контроля.

Он нахмурился, и в воздухе повисло тяжёлое молчание. Раньше я бы поспешила сгладить этот момент, пошутить или извиниться, но теперь мне было просто интересно смотреть, как он мучается.

— Давай без этих драм, — поморщился он. — Мы могли бы обсудить поставки через холдинг. У вас всё ещё слабая дистрибуция, а я могу дать условия, от которых ты не откажешься.

— А потом поменяешь их, как только я подпишу все бумаги? — я подняла на него взгляд, и он тут же отвёл глаза, глядя на наш баннер с показателями.

— Ты всё ещё пытаешься мне что-то доказать, Лена. Это выглядит жалко.

— Нет, Григорий. Это ты всё ещё думаешь, что находишься в моей аудитории и имеешь право ставить мне оценки.

Он хотел что-то ответить, но в этот момент рядом возник Арсений Бережной. Он почти не изменился, всё тот же тёмный костюм, тяжёлый взгляд и привычка останавливаться так, чтобы люди вокруг сами в ужасе расступались. Два его охранника застыли в стороне, как каменные изваяния. Арсений посмотрел на Григория, затем на меня, и в его глазах промелькнуло одобрение.

— Хорошо выступили, Елена Викторовна. Очень профессионально, — сказал он своим низким, рокочущим голосом.

— От вас это звучит почти как комплимент, Арсений Сергеевич, — я слегка склонила голову.

— Не люблю разбрасываться тем, что можно использовать как валюту, — он едва заметно усмехнулся.

— Тогда оставьте эту валюту себе, мне она не нужна.

Уголок его рта дрогнул. Он посмотрел на меня с явным любопытством, словно увидел перед собой нового, неизвестного зверя.

— Вы всегда так принимаете похвалу? — спросил он.

— Только от людей, которые начинали наше знакомство с угроз, —

Ответила ему я.

Бережной неожиданно для всех кивнул:

— Я тогда был неправ.

Я не удержалась от иронии:

— Какая редкая валюта — признание Бережного.

На что он парировал:

— Не обольщайтесь, курс очень нестабильный.

Я невольно улыбнулась, и Григорий мгновенно это заметил. Его лицо осталось спокойным, но пальцы так сильно сжали папку, что та жалобно хрустнула.

— Вы давно общаетесь? — спросил он, и в голосе прорезалась та самая собственническая нотка.

Арсений перевёл на него ледяной взгляд:

— Тебе отчёт предоставить или сам догадаешься?

— Я спросил Елену, — огрызнулся Григорий.

— А ответить решил я, — спокойно отрезал Бережной.

— Не нужно, — вмешалась я, глядя на обоих. — Ни отчётов, ни ответов за меня. Я вполне способна сама решить, с кем мне общаться.

Арсений чуть отступил — всего на полшага, но для него это было равносильно капитуляции. Григорий тоже замер. Кажется, именно это разозлило его сильнее моей улыбки, тот, кто не отступал даже перед партнёрами, вдруг услышал моё «не нужно» и подчинился.

— Нам пора, — сказала я и повернулась к стенду, но в этот момент над проходом что-то громко треснуло. Сначала погас экран, потом возле соседней декорации вспыхнул синий огонёк, который быстро пробежал по проводу. Пластиковые колосья вспыхнули мгновенно, будто всё это время только и ждали искры, чтобы превратиться в один большой факел.

Кто-то закричал, по залу пополз едкий дым. Люди в панике рванули к выходу, опрокидывая стулья и рекламные стойки. Породистая коза с красным бантом вырвалась из рук сопровождающего и с диким блеянием понеслась сквозь толпу, в этот момент она была единственным разумным существом в павильоне.

— Выводите людей! — приказал Арсений охране. — Плевать на камеры, спасайте людей!

Я заметила молодую девушку из сети, с которой мы только что подписывали протокол. Она в ужасе прижалась к нашей витрине, прижимая к груди папку.

— Я не могу её оставить! — кричала она, когда я попыталась её увести.

Я буквально закричала ей в ответ, что если она сгорит вместе с этими бумажками, подписывать их будет некому. Я схватила её за локоть и потащила к выходу, пока сверху посыпались искры, а дым начал забивать лёгкие.

— Елена! — кто-то крикнул моё имя, и в следующую секунду чья-то сильная рука резко сжала моё запястье. Арсений дёрнул меня на себя так, что я с размаху врезалась плечом в его грудь.

— Вы с ума сошли?! — прохрипела я, пытаясь вырваться.

— Позже обсудим мой диагноз, — бросил он, закрывая меня собой от падающей части декорации и практически волоча к выходу.

— Девушка... Павел... Тамара... — я пыталась перечислить всех, кто остался.

— Всех вывели, успокойтесь, — он не отпускал мою руку, пока мы не оказались в соседнем павильоне, где было холоднее и пахло гарью. Только там он разжал пальцы. Я потёрла

запястье и подняла голову. За стеклянной перегородкой стоял Григорий. Он видел всё, как Арсений вырвал меня из огня, как заслонил собой и как крепко держал за руку.

Но страшнее всего для него было другое. Я даже не посмотрела в его сторону. Я больше не ждала, что спасать меня должен именно он. Его лицо исказилось, и я вдруг поняла, что пожар начался возле нашего стенда, но по-настоящему горело сейчас только в его сердце.

Глава 15

После пожара в павильоне сложно было находится, даже когда мы вышли на улицу сильно несло гарью. Я стояла у бордюра, чувствуя, как в висках настойчиво стучит кровь, а ладони всё ещё мелко дрожат, то ли от пережитого стресса, то ли от осознания того, что я чуть не превратилась в уголёк. Вокруг творился привычный ад, кто-то истошно орал в трубку, кто-то пытался утихомирить секретаршу, которая рыдала так, будто потеряла не документы, а смысл жизни. Арсений Бережной стоял в двух шагах, и, честное слово, он даже не запыхался. Его чёрный пиджак остался безупречным, если не считать серого пятна копоти на плече, которое он носил с таким видом, будто это был новый тренд из Милана.

— Моя машина за углом, — произнёс он холодным тоном. Ни капли сочувствия, только сухая деловитость. — Довезу вас до гостиницы. Вы выглядите так, будто сейчас либо в обморок упадете, либо решите кого-нибудь придушить.

Я посмотрела на этого уверенного в себе хищника, который только что вырвал меня из огня с такой силой, что моё запястье до сих пор ныло. Внутри вспыхнуло глухое раздражение. Мне не нужна была его забота, особенно когда она была упакована в форму приказа. Я выпрямилась, стараясь вернуть себе остатки достоинства, хотя в волосах всё ещё пахло гарью.

— Я доеду сама, — отрезала я. — И если вы не против, я бы хотела вернуть свои документы. Ваша охрана забрала папку с протоколами, когда вытаскивали меня из этого дымохода.

Арсений чуть приподнял бровь, медленно сканируя меня оценивающим взглядом, и прикинул, стоит ли моя «непокорность» того, чтобы тратить на неё время.

— Вы удивительно упрямая женщина.

— Спасения из пожара не даёт вам право распоряжаться моим графиком, — я скрестила руки на груди, чувствуя, как гнев вытесняет страх. — Благодарить не буду. Вы уже однажды оказали моей семье неоценимую услугу, помогши мне эффектно исчезнуть из бизнеса.

Бережной не отвел взгляда. Между нами возникло то самое тяжёлое напряжение, которое обычно предшествует либо крупной драке, либо чему-то гораздо более опасному. От него исходила грубая, подавляющая сила. Он был из тех мужчин, под чьи шаги мир прогибается автоматически. Это бесило до дрожи в пальцах, но, если быть честной, вызывало и какой-то странный, почти животный интерес.

— Знаю, — спокойно ответил он. — Теперь хочу понять, сколько мне придётся за неё заплатить.

— Ошибаетесь. Не за услугу, а за то, что решили, будто вправе её оказывать.

Он вдруг коротко усмехнулся. Это не была добрая улыбка, скорее оскал волка, который нашёл добычу, способную кусаться в ответ. Он подошёл ближе, даже слишком близко, и я почувствовала запах его парфюма.

— Тогда я не знал, что вы умеете вставать после удара, Елена Викторовна. Для меня вы были просто «женой владельца», которую легко заменить на более молодую и тихую модель.

— А теперь? — почти прошептала я, глядя ему прямо в глаза.

— Теперь это стало моим делом, — он замолчал, и в этой паузе было больше смысла, чем в любом из его слов.

***

Через два дня Арсений пригласил меня в ресторан при гостинице. Назвал это «деловой встречей», но обстановка была подозрительно интимной. Нас ждал самый уединённый столик, бокал красного вина и сам Бережной без пиджака. Рукава белой рубашки были засучены, обнажая крепкие предплечья. Он выглядел не как бизнесмен, а как человек, который может решить любую проблему либо одним звонком, либо одним точным ударом в челюсть. Мне ни то, не другое не нравилось.

Светские беседы он пропустил, просто пододвинув ко мне папку с контрактом.

— Моя новая торговая сеть. Региональный охват, идеальная логистика. Хочу, чтобы ваш кооператив стал основным поставщиком сыров премиум-класса. Условия по оплате — лучшие на рынке, можете даже не пересчитывать.

Я открыла договор. Сначала всё казалось сказкой. Огромные объемы, фиксированная цена и поддержка маркетинга на всех этапах. Но на пятой странице я нашла пункт, написанный таким мелким шрифтом, что для его чтения понадобился бы микроскоп. В случае задержки оплаты более чем на десять дней, причины не уточнялись, поставщик терял право самостоятельно реализовывать товар в трёх ключевых районах.

Я медленно закрыла папку и посмотрела на Арсения, он с любопытством наблюдал за мной, хоть и прятался за серьёзным лицом.

— Вы предлагаете не контракт, Арсений Сергеевич, а поводок, — я откинулась на спинку стула, чувствуя, как внутри закипает ирония. — Один сбой, одна техническая ошибка в банке — и вы становитесь единственным владельцем моего рынка сбыта. Очень щедро.

— Я предлагаю масштаб, — его голос стал жестче. — Вы маленькие и хрупкие. Я просто даю вам броню, чтобы вас не раздавили по дороге.

— Масштаб без свободы — это просто более дорогая клетка с золотыми прутьями, — я почувствовала, как между нами снова искрит. — Я потратила год, чтобы перестать быть чьей-то собственностью. Не собираюсь менять одного хозяина на другого, даже если этот хозяин носит чертовски дорогую рубашку.

Арсений замер. В его глазах вспыхнул гнев, смешанный с азартом. Он привык, что люди либо дрожат перед ним, либо пытаются вылизать ему ботинки. Мой отказ стал для него системным сбоем. Он резко забрал договор, и его пальцы на мгновение коснулись моих. По коже прошел электрический разряд, от которого перехватило дыхание. Это не была любовь или симпатия, это была борьба двух хищников, которые внезапно поняли, что им чертовски нравится эта схватка.

— Хорошо, — процедил он. — Я переработаю условия. Не потому, что вы меня убедили, а потому, что мне стало интересно, как далеко вы готовы зайти в своём упрямстве.

***

Пока я пыталась выстроить границы с Бережным, Григорий решил, что пришло время для «дипломатии». Он позвонил Арсению тем же вечером, и я почти физически чувствовала, как он сжимает зубы в трубку.

— Слушай, Арсений, я заметил, что Лена проявляет к тебе излишний интерес, — голос Григория звучал нарочито спокойно, но сквозила в нём неприкрытая ревность собственника. — Будь осторожен. Она сейчас в режиме «возрождения», а это значит, что она ищет союзников, чтобы ударить по мне. Она даже Надю использует, чтобы выуживать информацию из дома.

Арсений слушал его, откинувшись в кресле своего кабинета. Он знал Григория слишком долго, чтобы верить каждому слову, но зерно было посеяно.

— Она собирает материалы против слияния? — уточнил Бережной.

— Скорее всего. Она всегда умела мутить воду, Арсений, и видит дыры там, где другие видят стены. Не дай ей обвести себя вокруг пальца своим новым образом «сильной женщины».

Арсений повесил трубку и задумался. Он понимал, что Воронцов боится не столько разоблачения, сколько того, что сыроварня с Бережным можем найти общий язык. А если мы объединимся, Григорий станет просто лишним звеном в собственной империи.

***

Вечером ко мне приехала Надя. Она выглядела измотанной, под глазами залегли тени от бессонных ночей над учебниками, но в глазах горел настоящий огонь.

— Мам, я слышала название, — сказала она, едва переступив порог. — «Северный ресурс». Папа обсуждал с Кириллом перевод части земельных активов на эту фирму.

Я замерла с чайником в руке, чувствуя, как сердце пропустило удар.

— Ты уверена?

— Да. Я не рылась в компьютере и не крала документы. Я просто была в комнате, когда они решили, что я сплю в кресле. Они говорят об этом так, будто обсуждают покупку нового пылесоса.

Я поставила чайник на стол и крепко обняла дочь. Мне стало физически больно от того, что она снова оказалась втянута в эту грязь.

— Ты не обязана платить за его преступления своей безопасностью, Надя. Пожалуйста, больше не слушай их.

— А ты не обязана всё время спасать меня от правды, мам, — Надя отстранилась и посмотрела на меня с какой-то взрослой, горькой мудростью. — Я хочу помочь. Не потому, что ненавижу его, а потому, что хочу, чтобы эта история наконец закончилась.

Я смотрела на неё и понимала, что моя маленькая девочка выросла слишком быстро. Она больше не была той напуганной шестнадцатилетней подростковой версией себя. Она стала моим полноценным союзником.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Но дальше всё делаю я. Никаких больше «случайных» разговоров.

***

Поздним вечером Арсений Бережной сидел в своём кабинете, изучая отчет службы безопасности. Он лениво листал страницы, пока не остановился на одной из них. Там была Кристина.

Она без всякого согласования с ним запросила через своих людей сведения о маршрутах Елены Воронцовой и детальный график поставок кооператива. Кристина не просто ревновала мужа, она начала полноценную охоту.

Арсений медленно закрыл папку и посмотрел в окно на ночной город. Он привык контролировать всё, но сейчас он понял, что в его собственном доме завелся предатель, который играет в игры, правил которых он не устанавливал.

— Ну что ж, дорогая, — прошептал он, и в его голосе прозвучал холод, от которого любой сотрудник его фирмы упал бы в обморок. — Посмотрим, кто из нас лучше умеет строить ловушки.

***

В офисе холдинга «Воронцовские поля» стояла та самая звенящая тишина, которая обычно предшествует либо массовым увольнениям, либо очень громкому скандалу. Кристина сидела за огромным столом из полированного дуба, который казался ей сейчас эшафотом. Перед ней лежали финансовые отчёты за квартал, бумаги с бесконечными колонками цифр, которые к концу третьего часа начали сливаться в одну серую, издевательскую массу.

Григорий стоял у окна, заложив руки за спину. Он не смотрел на неё, но она чувствовала его взгляд кожей.

— Итак, Кристина, — его голос был обманчиво мягким, что всегда означало беду. — Объясни мне, почему в расчётах по логистике северного направления у нас образовалась дыра в три процента маржи?

Кристина сглотнула. Она быстро пробежала глазами по строчкам, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— Я... я думаю, это связано с сезонным повышением тарифов на перевозку. Я учла это в общих расходах, но, возможно, распределение по позициям вышло неточным...

Григорий медленно повернулся. В его глазах не было гнева, о нет, там было нечто худшее, а именно глубокое разочарование, смешанное с брезгливостью.

— «Возможно», — повторил он, смакуя это слово. — Ты потратила две недели на этот отчёт, Кристина. Две недели.

Он подошёл к столу и одним резким движением ткнул пальцем в одну из ячеек таблицы.

— Ты просто забыла вычесть налоговый вычет по льготной зоне. Это база, Кристина. Элементарная арифметика, которую знают даже стажёры первого курса.

— Я не бухгалтер, Гриша! — вспыхнула она, вскакивая со стула. — Я занимаюсь стратегией, имиджем и связями с отцом...

— Вот именно, — он холодно усмехнулся, и эта усмешка ударила её сильнее пощёчины. — Ты занимаешься фасадом. А бизнес — это фундамент. Знаешь, что самое смешное? Елена могла бы за пять минут объяснить тебе, где ты ошиблась, и сделать это так, чтобы ты не чувствовала себя идиоткой. Хотя, судя по результату, она бы всё равно не справилась.

Кристина замерла. Снова она. Эта женщина, которой больше не было в этом здании, которой не было в их жизни, продолжала присутствовать в каждом разговоре и в каждом вздохе Григория. Елена была как призрак, который каждое утро приходил в офис, чтобы напомнить Кристине, что она всего лишь неудачная замена.

— Перестань произносить её имя, — прошипела Кристина, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Тогда перестань давать мне поводы сравнивать, — Григорий развернулся и направился к выходу. — Переделай всё к утру. И постарайся, чтобы в этот раз цифры не пытались со мной поспорить.

Когда дверь за ним захлопнулась, Кристина с силой швырнула папку в стену. Листы разлетелись по кабинету, как белые птицы, но облегчения не пришло. Она чувствовала себя маленькой, глупой и абсолютно беспомощной. И самое страшное было то, что она знала, Григорий был прав.

***

Через два дня Кристина сидела в полумраке квартиры своей подруги, стараясь не смотреть на экран планшета. Рядом с ней сидел человек, чьё имя она предпочитала не произносить вслух — посредник, специализирующийся на «информационном сопровождении».

— Всё готово, — коротко бросил он. — Копии платежей, выписки по счетам «Северного ресурса». Там достаточно грязи, чтобы любой аудит превратился в уголовное дело.

Кристина взяла флешку. Её пальцы дрожали. План был прост, передать эти сведения Елене. Она знала, что та не сможет устоять перед возможностью ударить по Григорию. Елена опубликует документы, начнётся скандал, холдинг зашатается, а Арсений увидит, что его дочь — единственный человек в этой семье, который способен действовать эффективно и жёстко.

Она не знала, что в этот самый момент Арсений Бережной сидел в своём кабинете и смотрел запись с камеры наблюдения в коридоре своего офиса. Он видел, как посредник Кристины выходил из здания.

Его помощник, бледный мужчина в очках, осторожно кашлянул.

— Арсений Сергеевич, может, стоит остановить передачу? Если документы попадут к Воронцовой, это может ударить по котировкам...

Бережной медленно перевёл на него взгляд. В этом взгляде было столько холода, что помощник непроизвольно выпрямился.

— Остановить? — Арсений коротко, сухо рассмеялся. — Ты действительно так плохо меня знаешь?

Он откинулся в кресле, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику.

— Мне интересно две вещи, — произнёс он низким, рокочущим голосом. — Первое: насколько далеко моя дочь готова зайти в своём предательстве. Она думает, что играет в шахматы, но даже не заметила, что доска принадлежит мне. А второе...

Он замолчал, и в его глазах вспыхнул странный, почти хищный интерес.

— Мне интересно, что сделает Елена. Сорвётся ли она, как обычная обиженная женщина, или поступит как настоящий профессионал. Если она использует этот слив для дешёвой мести, значит, я ошибся в ней. А если нет...

— А если нет? — тихо спросил помощник.

— Тогда она станет самым желанным партнёром в этом направлении, — Арсений улыбнулся, и эта улыбка не имела ничего общего с добротой. — Пусть играют. Мне нравится смотреть, как они пытаются перегрызть друг другу глотки, думая, что я просто смотрю. Арсений медленно поднялся с кресла и подошёл к панорамному окну, за которым город расплывался в серой дымке дождя. Он смотрел на огни улиц, но видел только её, эту женщину с колючим взглядом и вздорным характером. Елена всколыхнула в нём ту часть души, о которой он давно забыл, считая её давно похороненной вместе с первой женой. Лена не просто будоражила его, она вызывала почти физическую жажду, которая не утихала даже тогда, когда между ними были километры бетона и чужих секретов.

Он вспомнил, как она огрызалась, как в её голосе звенела злость, когда она ставила его на место. В мире, где все вокруг прыгали перед ним на задних лапах, как послушные собачки, её открытая неприязнь действовала на него как мощный стимулятор.

Это заводило до безумия. Арсений сжал кулаки, чувствуя, как внутри разгорается тёмная страсть. Он искренне не понимал, каким должен быть уровень идиотизма Григория, чтобы выбросить такой бриллиант, променяв его на молодую, глянцевую пустышку. Воронцов считал себя стратегом, но на деле оказался слепцом, который выкинул на помойку единственный настоящий актив в своей жизни. И теперь Арсений был намерен забрать этот актив себе.

***

Матвей Корнеев зашёл на сыроварню без предупреждения. Он выглядел как обычно, в дорогой костюм, который смотрелся на фоне молочных танков как инородное тело, и выражение лица человека, который знает о вас всё, включая то, что вы ели на завтрак три года назад.

— Привет, Лена. Есть кое-что, что тебе будет интересно, — он положил на стол плотный конверт.

Я открыла его и почувствовала, как внутри всё заледенело. Копии платежей. Цепочки переводов через фирмы-прокладки. Всё то, о чём шептала Надя, теперь было задокументировано. Это был идеальный удар. Один звонок в прокуратуру или один пост в соцсетях, и Григорий с Кириллом оказались бы в центре грандиозного скандала.

— Это подарок от анонимного благодетеля, — Матвей облокотился на стол, глядя на меня с ехидством. — Твой бывший муж сейчас спит очень тревожно, Лена. Я чувствую это по его манере поведения.

Я долго смотрела на бумаги. Внутри всё кричало: «Бери! Бей! Уничтожь их!». Я почти чувствовала вкус этого триумфа. Видеть лицо Григория, когда к нему придут с обыском.

Но затем я вспомнила взгляд Нади и, как я просила меня не вмешиваться во всё это.

— Ты хочешь, чтобы я это опубликовала, — констатировала я, поднимая глаза на Матвея.

— Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала, — он притворно вздохнул. — Ну, или чтобы ты просто развлеклась.

— Справедливость не бывает «быстрой», Матвей. Она бывает только законной, — я медленно задвинула конверт обратно в папку. — Эти документы могут быть подлинными, но источник неизвестен. Если я ударю сейчас, меня обвинят в корпоративной мести. Я превращусь из жертвы в агрессора, и Григорий выставит себя мучеником, которого преследует «сумасшедшая бывшая».

Матвей разочарованно цыкнул.

— Ты слишком осторожна. Иногда нужно просто сжечь мосты, чтобы враг не смог перейти реку.

— Я не сжигаю мосты. Я строю свою собственную дорогу, — я посмотрела на него с холодным спокойствием. — Я проверю каждую цифру. Сопоставлю с данными Нади. Найду независимого аудитора и ударю один раз, Матвей. Но так, чтобы они больше никогда не смогли подняться.

— Ты просто святая, Лена, — он усмехнулся, разворачиваясь к выходу. — Или слишком сильно боишься рискнуть.

— Я не боюсь рисковать, — ответила я ему в спину. — Я просто не хочу делать за них их грязную работу.

***

Кристина ждала звонка. Она ждала новостей о скандале, об арестах и о том, что Елена наконец-то «выстрелила». Но прошла неделя, и ничего не произошло. Тишина была оглушительной.

Она чувствовала себя обманутой. Даже её попытка ударить, её «гениальный» план скомпенсировали тишиной. Елена не просто не воспользовалась информацией, она будто проигнорировала её существование.

— Она издевается надо мной, — прошептала Кристина, глядя в зеркало. — Она думает, что она выше этого.

В тот вечер она встретилась с человеком, которого её отец никогда бы не пустил даже на порог своего дома. Это был мужчина с серыми, пустыми глазами и привычкой постоянно грызть ноготь большого пальца. Но дело своё знал.

— Значит, документы не сработали? — он хрипло рассмеялся. — Бумажки — это для судов, детка. А в жизни работают другие методы.

— Я хочу, чтобы она исчезла, — Кристина смотрела на него с ненавистью. — Не из бизнеса и не из города. Я хочу, чтобы она испугалась и поняла, что её «возрождение» может закончиться очень быстро и очень болезненно. Напугайте её так, чтобы она сама попросила разрешения уехать из региона.

Мужчина с пустыми глазами улыбнулся.

— Это можно устроить. Но такие услуги стоят дорого. Предоплата пятьдесят процентов.

Кристина заколебалась лишь на секунду. Перед глазами всплыло лицо Григория, его холодный голос: «Елена могла бы за пять минут объяснить...».

Она достала конверт с наличкой.

***

Григорий вернулся домой поздно. Он был раздражён после встречи с Бережным, который стал вести себя слишком независимо. В доме было тихо, но, проходя мимо комнаты Кристины, он услышал её голос. Она говорила по телефону, приглушённо, но она была на эмоциях.

Он остановился, прислушиваясь.

— ...да, я понимаю, что это риск. Но она должна понять, что её границы это иллюзия. Просто проследите за ней. Я хочу знать каждый её шаг, каждый звонок. И когда придёт время, просто сделайте так, чтобы она почувствовала дыхание в затылке...

Григорий замер. Его лицо медленно окаменело. Он знал свою жену, она была амбициозной, капризной, иногда глупой, но он не думал, что она способна на физический террор.

Он медленно отошёл от двери, чувствуя, как внутри поднимается странная смесь чувств. С одной стороны — ярость от того, что в его доме плетутся заговоры за его спиной. С другой, внезапный, почти болезненный укол тревоги за Елену.

Он не любил её. Он не хотел её возвращения. Но мысль о том, что кто-то другой, кто-то «грязный» и низкий, может причинить ей вред, вызвала у него инстинктивную реакцию собственника.

«Ты всё ещё моя, Лена, — подумал он, сжимая кулаки. — И только я имею право решать, когда тебе будет больно».

Глава 16

Утро началось с того, что телефон в моей руке превратился в вибрирующий отбойный молоток. Степан, мой водитель и по совместительству человек с железными нервами, обычно был спокоен как удав, но сейчас он почти орал в трубку, перекрывая рёв мотора и какой-то шум на заднем плане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.